

DOI 10.31250/2618-8619-2021-2(12)-25-34

УДК 069.1

Елена Алексеевна Михайлова

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
Санкт-Петербург, Российская Федерация
E-mail: elmikh@kunstkamera.ru

Временные выставки в МАЭ 1920–1930-х годов и неосуществленный «идеальный музей» Л. Я. Штернберга

АННОТАЦИЯ. Рассматриваются временные экспозиции «Первобытные орудия и оружие», «Огонь в истории культуры», «Типы жилищ», «Жизнь ребенка при свете этнографии», «Экономические и общественные корни искусства», «История одежды», созданные отделом эволюции и типологии культуры МАЭ в 1927–1930 гг. Они оказались единственно возможным практическим воплощением планов и проектов Л. Я. Штернберга в области музейного строительства и были зримым олицетворением его научных воззрений и общественно-политических устремлений. История создания и функционирования выставок анализируется в контексте пересмотра теоретических основ советской этнографии, ее идеологизации. В конечном итоге самый амбициозный музейный проект Л. Я. Штернберга — Эволюционный, или синтетический, отдел экспозиции МАЭ — так и не был создан. Причину этого автор статьи видит не столько в трудностях технического порядка, сколько в проблемах концептуальных: идеологических требованиях к науке и собственно теоретических взглядах Л. Я. Штернберга, положенных в основу деятельности отдела эволюции и типологии культуры.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Л. Я. Штернберг, Музей антропологии и этнографии, музейное строительство, временные выставки, отдел эволюции и типологии культуры

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Михайлова Е. А. Временные выставки в МАЭ 1920-х — 1930-х годов и неосуществленный «идеальный музей» Л. Я. Штернберга. *Кунсткамера*. 2021. 2(12): 25–34. doi 10.31250/2618-8619-2021-2(12)-25-34

Elena Mikhailova

Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences
Saint Petersburg, Russian Federation
E-mail: elmikh@kunstkamera.ru

Temporary Exhibitions at the MAE in the 1920s and 1930s and the Unrealized “Ideal Museum” of Leo Sternberg

ABSTRACT. The article focuses on the following temporary exhibitions of the MAE RAS: “Primitive Tools and Weapons”, “Fire in Cultural History”, “Types of Dwellings”, “Childhood in the Light of Ethnography”, “Economic and Social Origins of Art”, and “History of Clothing”. The Department of Evolution and Typology of Culture of the MAE produced these exhibitions in 1927–1930 as the only possible way to put into practice Leo Sternberg’s plans and projects. Sternberg’s ideas in the field of museum construction were a visible embodiment of his scholarly views and socio-political aspirations. The article addresses the history of the creation and functioning of the exhibitions in the context of revising the theoretical foundations of Soviet ethnography and its ideologization. Ultimately, the most ambitious museum project of Sternberg, i.e. the Evolutionary, or synthetic, section of the MAE display, was never created. The reason for this failure was not so much in technical difficulties as in conceptual problems, namely the ideological requirements for science, and the theoretical views of Sternberg, which served as the basis for the activities of the Department of Evolution and Typology of Culture.

KEY WORDS: Leo Sternberg, Museum of Anthropology and Ethnography, museum construction, temporary exhibitions, department of evolution and typology of culture

FOR CITATION: Mikhailova E. Temporary Exhibitions at the MAE in the 1920 and 1930s and the Unrealized “Ideal Museum” of Leo Sternberg. *Kunstkamera*. 2021. 2(12): 25–34. (In Russian). doi 10.31250/2618-8619-2021-2(12)-25-34

Работа Л. Я. Штернберга в Музее антропологии и этнографии (МАЭ) — лишь один из аспектов его интеллектуальной биографии, но именно с этим музеем были связаны его самые амбициозные планы и проекты. При непосредственном участии Л. Я. Штернберга были созданы две постоянные экспозиции музея — 1903 и (1914) 1925¹ гг. — и запланированы временные выставки. Эти экспозиции и выставки — зримое воплощение научных воззрений и общественно-политических устремлений Л. Я. Штернберга.

Свои идеи музейного строительства Л. Я. Штейнберг сформулировал в ряде публикаций 1907–1925 гг. (Штернберг 1907; 1911; 1925). Цель этнографического музея по Штернбергу — построение эволюции человеческой культуры. Идеальная конструкция такого музея должна была включать два отдела: «морфологический» и эволюционный. «Морфологический» отдел — это статика культуры по отдельным народам и периодам. Эволюционный, или синтетический, отдел должен представлять общечеловеческую культуру в динамике, в процессе ее эволюции и вариативности. Видение Штернбергом идеального этнографического музея было построено на классическом эволюционизме XIX в. с элементами новых методов и идей, популярных на Западе в 1910–1920-х годах (диффузионизм, теории распространения культурных элементов) (Кап 2009: 140, 440).

«Морфологический» отдел к 1925 г. уже существовал — это постоянная экспозиция Музея антропологии и этнографии, построенная по культурно-этническим группам в географическом порядке и включавшая три отдела — отдел физической антропологии, отдел археологии и отдел этнографии. Экспозиция по этнографии представляла картину культур различных народов и давала некоторое представление о процессе взаимодействия культур. В начале XX в. большая часть экспозиций в отечественных и зарубежных этнографических (естественно-исторических) музеях строилась примерно таким же образом, о чем прекрасно знал Л. Я. Штернберг, посетивший за время работы в МАЭ большую часть европейских музеев, а также Американский музей естественной истории в Нью-Йорке.

Для Л. Я. Штернберга «морфологический» отдел — это необходимая база, материал для дальнейшего синтеза. В эволюционизме его более всего привлекала идея общечеловеческой культуры. Правильно построенный музей должен был дать картину развития человечества в целом, т.е. представить картину эволюции общечеловеческой культуры во всех формах ее проявления: «Музей общей этнографии имеет своим предметом культуру всего человечества как в статическом, так и в динамическом отношении. Такой музей не только должен дать полную картину отдельных культур самых различных народов, но вместе с тем представить все фазы процесса развития и распространения общечеловеческой культуры» (Штернберг 1911: 462). Музей Штернберга должен был давать посетителям урок гуманизма, представлять идею физического единства человечества и братства людей, «должен выявить единство человечества в его физической природе и в его психико-интеллектуальном творчестве» (Штернберг 1925: 46). Для решения этой задачи и предназначался второй (и основной для Л. Я. Штернберга) отдел музея. Эволюционный (типологический) отдел должен был представить взорам посетителей «величавую наглядную картину эволюции человеческой культуры» во всех ее проявлениях. Именно этот несуществующий отдел экспозиции представлялся Л. Я. Штернбергу «венцом всего музейного здания» (Ратнер-Штернберг 1928: 61).

В эволюционном отделе экспозиция должна была быть организована не по принципу принадлежности к тому или иному народу или культуре, не по отдельным народам и культурам, а по группам однородных культурных явлений в порядке их развития от самой низшей до высшей ступени. Предметы на экспозиции группировались без всякой привязки к их этническому происхождению.

¹ Созданная в 1903 г. экспозиция размещалась в залах первого и второго этажа здания в Таможенном переулке. Эта экспозиция была дополнена тремя новыми отделами в 1908 г., когда был надстроен третий этаж здания. К 1914 г. в связи перспективами передачи музею здания Кунсткамеры был подготовлен проект кардинально расширенной экспозиции. Этот проект был представлен Николаю II во время его известного визита в музей 5 марта 1914 г. Удалось осуществить эти планы только в 1925 г., когда по случаю празднования 200-летия Академии наук Библиотека академии наук переехала в новое здание, а МАЭ наконец получил в свое распоряжение здание Кунсткамеры.

Структурно экспозиция должна была делиться на два крупных раздела: культура материальная и культура духовная, а внутри них — на отделы по группам культурных явлений (жилище, орудия, утварь, одежда и т.д.). Эти области культуры, в свою очередь, подразделялись на отдельные культурные категории. И в каждой области культуры каждая отдельная категория и каждый отдельный институт в каждой категории должны быть представлены в их главнейших типах, параллелизмах и разновидностях по возможности в эволюционном порядке (в виде генетически связанных и причинно-обусловленных рядов), начиная с доисторического периода и до современного состояния в историческом развитии. Хочу обратить внимание на то, что здесь Л. Я. Штернберг смело выходит за очерченные совместно с В. В. Радловым границы экспонирования, которые не предусматривали включение высших форм современной европейской культуры (Решетов 1995: 85).

При всей увлеченности идеей и целеустремленности Л. Я. Штернберг был реалистом и прекрасно понимал, что его любимый проект — новый отдел эволюции в Музее антропологии и этнографии — мог быть осуществлен только в будущем: как минимум, требовались большие площади и многочисленные дубликаты определенных предметов, которых музей не имел. Все же очевидно, что с самого начала своей музейной деятельности он ясно видел конечную цель. Элементы наглядного построения эволюционных схем Л. Я. Штернберг применял уже в экспозиции 1903 г. Согласно путеводителю, предметы внутри ряда культурно-этнических групп были часто расположены так, чтобы продемонстрировать развитие от простых форм к сложным. Например, модель простого жилища ительменов XVIII в. располагалась рядом с моделью современного жилища представителей этой же культуры (Станюкович 1964: 92). По типологическому же принципу была построена так называемая галерея шаманов: экспонированные на ней бубны, колотушки и костюмы шаманов различных народов позволяли делать типологические сопоставления.

Постепенно шло накопление фондов для будущего отдела. Не желая брать предметы с уже существующей экспозиции, Л. Я. Штернберг закупал оригиналы и копии доисторических каменных орудий и других предметов в ряде музеев. В частности, была собрана достаточно представительная коллекция луков и стрел из различных частей света. Наконец, когда в 1925 г. существенно расширились выставочные площади музея, Л. Я. Штернберг смог вплотную приступить к осуществлению своих идей на практике.

В 1926 г. в МАЭ был создан отдел эволюции и типологии культуры² (как структурное подразделение, но не отдел экспозиции). После смерти Л. Я. Штернберга летом 1927 г. работа отдела эволюции и типологии продолжилась под руководством Евгения Георгиевича Кагарова — разностороннего, широко эрудированного ученого. Отдел занялся систематизацией фондов, материальным оснащением, теоретической разработкой отдельных категорий явлений культуры. В работе отдела принимали участие В. М. Лемешевский, В. В. Федоров, Н. П. Дыренкова, И. Д. Старынкевич, Г. М. Василевич, Н. А. Никитина, В. А. Василевская, Э. В. Зиберт, С. В. Иванов³.

Новый отдел располагал более чем 800 предметами (дубликаты предметов из других отделов, новые экспонаты, закупленные или собранные специально во время этнографических экспедиций), и его фонды продолжали пополняться. В 1927 г. в отдел поступило 12 подлинных предметов, 28 муляжей и моделей, 86 карт, рисунков, таблиц и диаграмм, в 1928 г. — 220 рисунков чертежей и карт, 10 барельефных слепков, в 1929 г. — 355 рисунков, чертежей и карт (Отчет о деятельности Академии наук СССР 1928: 198; 1929: 190; 1930: 162).

За отсутствием в музее места для полноценной постоянной экспозиции отдела было принято решение об организации серии тематических выставок, которые в дальнейшем могли бы

² В отчете о деятельности АН СССР 1928 г. этот отдел называется по-иному: «Отдел эволюции человеческой культуры» (Отчет о деятельности Академии наук СССР 1929: 167).

³ Практиканткой МАЭ И. Д. Старынкевич была составлена карта географического распространения первобытных способов добывания огня, Е. Г. Кагаровым — карта географического распространения приемов отягивания тетивы лука, Г. М. Василевич выработала классификационные схемы для формы луков и наконечников стрел, для способов прикрепления наконечников и оперения и т.д., Н. А. Никитина разработала типологию очагов и печей восточных славян и сибирских народов.

перерасти в полноценную постоянную экспозицию. Каждая из выставок планировалась на полгода, далее, в зависимости от размера помещения, она либо заменялась новой, либо новая выставка размещалась параллельно (Кагаров 1928: 1–3).

Первая группа выполненных по плану Л. Я. Штернберга временных выставок характеризовала производительные силы и производственные отношения первобытного общества. Вторая группа должна была осветить «надстроечные» явления: «Организация классового и раннеклассового общества», «Наука», «Техника», «Искусство», «Религия», — и в основном осталась лишь в проектах.

За три года было осуществлено шесть проектов. Первой в январе 1928 г. открылась временная экспозиция «Первобытные орудия и оружие» (Выставка первобытных орудий и оружия 1927), затем в мае того же года — «Огонь в истории культуры» (Выставка «Огонь в истории культуры» 1928). В 1929 г. состоялись три выставки: в январе открылись «Типы жилищ» (Выставка «Типы жилищ» 1929), в мае — «Жизнь ребенка при свете этнографии» (Выставка «Жизнь ребенка при свете этнографии» 1929) и к XII годовщине Октябрьской революции — «Экономические и общественные корни искусства» (Станюкович 1964: 114–117). Последней в 1930 г. открылась выставка «История одежды» (Выставка «История одежды» 1930). В этом же ряду можно рассматривать и «Антирелигиозную выставку», открывшуюся в 1930 г. в Эрмитаже⁴ (Михайлова 2010). Неосуществленным остался антропологический раздел эволюционного отдела, в котором Л. Я. Штернберг мыслил представить генетику человека как особого вида и общую картину его расовых разновидностей.

Первая выставка из задуманной серии экспозиций явилась зримым и достаточно полным воплощением идей Л. Я. Штернберга, последовавшие далее проекты в большей или меньшей степени демонстрировали постепенный отход от генеральной линии ученого, последняя выставка имела уже мало общего со штернберговскими представлениями об идеальном музее.

Выставка первобытных орудий и оружия открылась уже после смерти Л. Я. Штернберга и стала своеобразным памятником его теоретическим разработкам и общественным устремлениям. Размещалась она, по всей вероятности, на втором этаже корпуса по Таможенному переулку в зале, который сейчас в музейном обиходе называется «Ориноко» (рис.). Выставка сопровождалась подробным путеводителем, что дает возможность достаточно ясно представить себе, как она выглядела.

На экспозиции были представлены оригинальные предметы и муляжи из фонда отдела, рисунки предметов, заполняющие недостающие звенья в эволюционном или типологическом ряду или иллюстрирующие применение этих предметов, многочисленные карты, схемы, графики. Вводная часть выставки — два шкафа, в которых были представлены «Эволюция палки как первобытного орудия и оружия» и «Эволюция камня» в соответствии с постулатом о том, что палка и камень лежат в основе орудий и оружия. Эволюция палки и камня наглядно отразилась в виде родословного дерева, схематически изображавшего генеалогию различных форм орудий и оружия в связи с постепенной дифференциацией их функций. Еще пять шкафов были предназначены для следующих разделов выставки: «Лук и стрелы», «Типы ножа и меча», «Типология палиц», «Типология копий», «Оружие для защиты». В этих разделах выставки принимались во внимание морфологический (типологический), эволюционный и функциональный принципы. В шкафах и на стендах типологические схемы сопровождалась картами распространения того или иного типа орудия или явления.

В экспозиции предметы группировались по принципу близких культурных явлений, чтобы показать их развитие от низших форм к высшим. Так, линия эволюции топора (рубящая функция) начиналась палеолитическим каменным топором и завершалась самым совершенным типом

⁴ МАЭ был головной организацией выставки. Руководил проектом В. Г. Богораз. Научной базой служил отдел эволюции и типологии культуры. Этот проект в своей научной основе как нельзя более отвечал тому, как видел будущее отдела сам Л. Я. Штернберг. Характерно, что выставку (в Эрмитаже) В. Г. Богораз рассматривал не просто как будущий музей, но как филиал МАЭ.

Рис. Экскурсии в отделе эволюции и типологии культуры. МАЭ И 1376-1
 Fig. Guided tours at the Department of Evolution and Typology of Culture. MAE И 1376-1

рубящего орудия — современным американским топором. Эволюция камня (функция метания) была представлена следующим рядом: камень — праща — бола — ручная граната современных культурных народов. Эволюция шлема, данная в таблице, демонстрировалась следующим образом: голова животного у древних греков, германцев и современных индейцев Северной Америки — *шапка с рогами* — стилизованный рогатый шлем и т.д. В таблице имелось указание на этническую принадлежность того или иного типа шлема. Имелась также таблица стилизации форм — в качестве отголоска, в частности, были предложены орлы на современных шлемах гвардии. Не осталась без внимания и широкая палитра материалов, применявшихся для изготовления орудий и оружия. Так, в разделе «Типы ножа и меча» были выставлены ножи и мечи из «животных материалов» (зуба, кости, рога, раковины и пр.), растительных материалов (дерева, бамбука, камыша); минералов (кремня, обсидиана, шифера и т.д.); металла (меди, бронзы, железа).

Выставки 1928 г. получили осторожные, но достаточно благосклонные отзывы. В отчете о деятельности Академии наук СССР за 1928 г. отмечено, что «советская печать и общественность весьма сочувственно приветствовала» обе упомянутые выставки, справедливо видя в них новый музейный подход (Отчет о деятельности Академии наук СССР 1929: 168). В отклике на выставки журнала «Этнография» было написано: «Попытка расположить коллекции по эволюционному принципу произведена, насколько нам известно, впервые. И нужно сказать, что эта попытка увенчалась успехом» (Черняков 1928: 119–122).

Последняя выставка отдела эволюции и типологии культуры «История одежды» (в ряде архивных материалов встречается иное название выставки: «Одежда в социологическом освещении») открылась в 1930 г. Эволюционный принцип подачи материала сохранялся, но был дополнен максимально акцентированными социальными аспектами. Очевидно, необходимо было опреде-

ленным образом замаскировать явную приверженность эволюционизму. Как было заявлено в путеводителе, «настоящая выставка имеет целью наглядно представить историю развития одежды от первичных (древнейших) ее форм до наших дней и осветить социальный характер, в особенности же — отражение классового момента в истории одежды» (Выставка «История одежды» 1930: 5). Тексты путеводителя демонстрируют в общем отсутствовавшую в 1928 г. и характерную для этнографии 1930 г. риторику. Вот несколько примеров из текста путеводителя по выставке: «Итак, вот главная причина возникновения украшений. Узоры, покрывающие поверхность тела, военные и охотничьи трофеи, перья птиц, ожерелья из зубов животных, — все это было социальной меткой, знаками отличия и принадлежности к определенному общественному классу (вожди, жрецы, воины и т.д.)»; «Мы видели, что корни одежды кроются в общественном расслоении <...> Материя и покроем одежды, подобно остальным явлениям культуры, зависят прежде всего от состояния материальных производительных сил данного общества» (Выставка «История одежды» 1930: 6, 9). За ссылкой на классификацию одежды по климатическим зонам немецкого ученого Герланда сразу следует необходимая оговорка: «Но географическая среда оказывает свое влияние на культуру через общество» (Выставка «История одежды» 1930: 8). Ну и «вишенкой на торте»: «Какие уродливые формы принимает нередко мода вследствие паразитизма господствующего непроизводительного класса видно хотя бы из подражания в костюме европейской дамы крапчатой шерсти долматинского дога» (Выставка «История одежды» 1930: 13).

В последних выставках отдела «советская пресса справедливо усмотрела социологию в музее, планомерное осуществление социологического метода организации экспонируемого материала, выставка эта твердо намечает общественную обусловленность искусства» (Отчет о деятельности Академии наук СССР 1929: 160).

Что же произошло в короткий период между двумя упомянутыми выше выставками? В апреле 1929 г. состоялось печально известное «революционное» для советской этнографии совещание этнографов Москвы и Ленинграда. На нем обсуждались не только общие проблемы этнографии как науки, ее предметная область и метод, но и весьма конкретные вопросы экспозиционной деятельности музеев в новой реальности. Отмечу, что временные выставки в МАЭ, созданные отделом эволюции и типологии культуры, были хорошо известны научной общественности и о них не раз говорили выступающие на совещании, подкрепляя свое мнение.

В ходе дискуссий Е. Г. Кагаров попытался отстоять свое (и Л. Я. Штернберга) видение перспектив экспозиционной работы в МАЭ: «Посетители желают уловить и общую линию культурного развития человечества вне рамок отдельных национальностей. Такая общая культура остается посетителями музеев неуловимой, если экспозиция придерживается одного лишь принципа географического. Поэтому я полагаю, что центральный этнографический музей должен наряду с географическими принципами применять и принцип экспозиции этнографической, причем этот принцип я мыслю себе следующим образом: экспонаты музея выставляются либо по крупным большим рубрикам, либо по категориям человеческой культуры, либо по комплексным [схе]мам. <...> Экспонаты выставляются или располагаются на выставочной площади в том порядке, в каком явления развивались последовательно, переходя от одной фазы к другой, причем линии и направления движения указываются стрелками для большей наглядности. Такие попытки создания специальных кабинетов или отделов, строящих свою работу на сравнительных этнографических принципах, делались и делаются сейчас за границей» (От классиков к марксизму 2014: 381). И далее Е. Г. Кагаров ссылается в этом контексте, как это ни удивительно, не на уже осуществленные в МАЭ выставки, а на некий отдел тотемологии, организованный покойным профессором Штернбергом, работа которого столкнулась с непреодолимыми подчас препятствиями, поскольку даже в замкнутой среде музейных работников ему пришлось слышать резкие возражения против создания этого отдела. А отделы, которые были образованы несколько лет назад в Музее антропологии и этнографии (по всей вероятности, здесь Кагаров имеет в виду свой отдел эволюции и типологии культуры), находятся в опасности и под угрозой.

Опасность и угроза были вполне реальны, судя по реакции на выступление Е. Г. Кагарова В. Б. Аптекаря — “Enfant terrible”⁵ совещания: «Уже из выступления молодых музейных ленинградских работников можно сделать вывод, что дальше так работу в области музеев вести, конечно, нельзя. Уже те факты, которые были мне сообщены, свидетельствуют о совершенно ненормальном положении в этом деле, в этой чрезвычайно важной области. И нужно сказать прямо, что это неблагополучие в значительной мере объясняется тем чуждым идеологическим влиянием, которое в этой области еще сильно. Не случайно, что во главе одного из крупнейших ленинградских музеев стоит ученый, позиции которого совершенно неприемлемы для нашей современной марксистской науки, ученый, который является одним из знамен реакции⁶» (От классиков к марксизму 2014: 381).

Почтение к памяти Л. Я. Штернберга, которое питала большая часть аудитории совещания, его народовольческое прошлое и тот факт, что изучение им систем родства гиляков (нивхов) было отмечено Энгельсом, с которым он даже состоял в переписке (Кап 2009: 52, 422), в определенной степени ограждало имя Л. Я. Штернберга от особенно яростных критических нападков (От классиков к марксизму 2014: 44), чего не избежал Е. Г. Кагаров. Раскритикованный на совещании как «буржуазный ученый» Е. Г. Кагаров (От классиков к марксизму 2014: 72) был поставлен перед необходимостью продемонстрировать определенное переосмысление своих теоретических взглядов. В условиях, когда после совещания было вообще не очень понятно, как быть с этнографией как наукой, а абсолютным критерием истины служила лишь верность теории Маркса — Энгельса — Ленина, очевидной становилась необходимость обнаруживать и анализировать классовое расщепление и классовую борьбу в любом «объективном явлении» и определять место всякого культурного феномена во взаимодействии базиса и надстройки (Слезкин 1993: 113). Каталоги последних выставок отдела эволюции и типологии культуры отчетливо свидетельствуют о том, что создатели этих выставок чувствовали себя еще довольно неуверенно в качестве пропагандистов марксизма, но неукоснительно следовали предложенному принципу.

После совещания в 1930 г. МАЭ обзавелся первым партийным директором — Николаем Михайловичем Маториным. В связи с реорганизацией АН и ее учреждений музеем была проделана большая работа по пересмотру и уточнению своих планов, установок и положений, большое внимание было уделено вопросу о реэкспозиции коллекций и структурному изменению музея (Отчет о деятельности Академии наук СССР 1931: 261). Основным научно-исследовательским направлением деятельности отдела эволюции и типологии культуры с 1929 г. стала коллективная тема «Взаимодействие базиса и надстроек как проблема музейной экспозиции» (Отчет о деятельности Академии наук СССР 1930: 263).

В конечном итоге самый амбициозный музейный проект Л. Я. Штернберга — Эволюционный, или синтетический, отдел экспозиции МАЭ — так и не был создан. И причину этого следует искать не столько в трудностях технического порядка, сколько в концептуальных проблемах. Они были вызваны, с одной стороны, теоретическими и идеологическими изменениями в советской этнографии на рубеже 1920–1930-х годов, а с другой стороны, с собственно теоретическими взглядами самого ученого, положенными в основу деятельности отдела эволюции и типологии культуры. Л. Я. Штернберг был последователен в своих убеждениях и никогда не отступался от народнического идеализма своей юности. Его интересовали не классовые различия и общественно-экономические формации, а идеи единства человечества, его поступательного развития, равенства различных культур. Этнография, археология, антропология, по Штернбергу, дают возможность воссоздать историю развития человечества, его путь к царству справедливости. Он стремился

⁵ Так определил провокационное и эксцентричное поведение В. Б. Аптекаря с его «агрессивной большевистской культурой полемики» в научно-идеологической борьбе участник совещания Н. В. Никольский (От классиков к марксизму 2014: 28).

⁶ Как отмечают редакторы публикации стенограммы совещания, им непонятно, кто имеется в виду. Скорее всего, речь идет о С. И. Руденко, заместителе директора Государственного Русского музея и одновременно заведующем этнографическим отделом, арестованном в 1930 г. и отправленном на строительство Беломорско-Балтийского канала.

создать музей, который показал бы посетителю, что «человечество идет к гармонии, где каждая культура будет звучать по-своему, как отдельный инструмент в симфоническом оркестре» (Гаген-Торн 1975: 196).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

- Архив МАЭ РАН. Ф. К-VI. Оп. 1. Кагаров Е. Г. Основные положения к проекту реорганизации Отдела эволюции и типологии культуры. 1928 г. 6 л.
- Выставка «Жизнь ребенка при свете этнографии». Л.: Изд-во АН СССР, 1929.
- Выставка «История одежды». Л.: Изд-во АН СССР, 1930.
- Выставка «Огонь в истории культуры». Л.: Изд-во АН СССР, 1928.
- Выставка первобытных орудий и оружия. Л.: Изд-во АН СССР, 1927.
- Выставка «Типы жилищ». Л.: Изд-во АН СССР, 1929.
- Выставка «Экономические и социальные корни искусства». Л.: Изд-во АН СССР, 1929.
- Гаген-Торн Н. Г. Лев Яковлевич Штернберг. М.: Наука, 1975.
- Михайлова Е. А. Выставочный проект Музея антропологии и этнографии «Антирелигиозная выставка в Государственном Эрмитаже» и ее создатель В. Г. Богораз // Радловский сборник. Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2010 г. СПб.: МАЭ РАН, 2011. С. 90–95.
- От классиков к марксизму: совещание этнографов Москвы и Ленинграда (5–11 апреля 1929 г.) / под ред. Д. Арзютова, С. Алымова, Д. Андерсона. СПб.: МАЭ РАН, 2014. (Кунсткамера — Архив. Т. 7).
- Отчет о деятельности Академии наук СССР за 1927 год. Ч. 1: Общий отчет. Л.: Изд-во АН СССР, 1928.
- Отчет о деятельности Академии наук СССР за 1928 год. Ч. 1: Общий отчет. Л.: Изд-во АН СССР, 1929.
- Отчет о деятельности Академии наук СССР за 1929 год. Ч. 1: Общий отчет. Л.: Изд-во АН СССР, 1930.
- Отчет о деятельности Академии наук СССР за 1930 год. Л.: Изд-во АН СССР, 1931.
- Ратнер-Штернберг С. А. Лев Яковлевич Штернберг и Музей Антропологии и Этнографии Академии Наук // Сборник МАЭ. 1928. Т. VII. С. 35–67.
- Реиштов А. М. Василий Васильевич Радлов // Курьер Петровской Кунсткамеры. 1995. Вып. 1. С. 75–85.
- Слезкин Ю. Советская этнография в нокдауне: 1928–1938 // Этнографическое обозрение. 1993. № 2. С. 113–125.
- Станюкович Т. В. Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого. 1714–1964. Л.: Наука, 1964.
- Черняков З. Е. Выставка первобытных орудий и оружия // Этнография. 1928. № 1. С. 119–123.
- Штернберг Л. Я. Музей антропологии и этнографии Императорской Академии наук в период 12-летнего управления В. В. Радлова. 1894–1906 // Ко дню семидесятилетия Василия Васильевича Радлова. СПб.: тип. Императорской Академии наук, 1907. С. 29–104.
- Штернберг Л. Я. Русские этнографические музеи // Живая старина. 1911. Вып. III–IV. С. 453–472.
- Штернберг Л. Я. Двухвековой юбилей русской этнографии и этнографических музеев // Природа. 1925. № 7–9. С. 45–66.
- Kan S. Lev Shternberg: Anthropologist, Russian Socialist, Jewish Activist. Lincoln: University of Nebraska Press, 2009.

REFERENCES

- Ot klassikov k marksizmu: soveshchanie etnografov Moskvy i Leningrada (5–11 aprilia 1929 g.)* [From the Classics to Marxism: The Meeting of Ethnographers from Moscow and Leningrad (April 5–11, 1929)]. Ed. by D. Arzyutov, S. Alymov, D. Anderson. St. Petersburg: MAE RAN, 2014. (Kunstkamera — Arkhiv. Vol. 7). (In Russian)
- Cherniakov Z. E. *Vystavka pervobytnykh orudii i oruzhiia* [Exhibition of Primitive Tools and Weapons]. *Etnografiia*, 1928, no. 1, pp. 119–123. (In Russian)
- Gagen-Torn N. G. *Lev Yakovlevich Shternberg*. Moscow: Nauka, 1975. (In Russian)
- Kan S. *Lev Shternberg: Anthropologist, Russian Socialist, Jewish Activist*. Lincoln: University of Nebraska Press, 2009.
- Mikhailova E. A. *Vystavochnyi proekt Muzeia antropologii i etnografii “Antireligioznaia vystavka v Gosudarstvennom Ermitazhe” i ee sozdatel’ V. G. Bogoraz* [Exhibition Project of the Museum of Anthropology and Ethnography “Anti-Religious Exhibition in the State Hermitage” and Its Creator V.G. Bogoraz]. *Radlovskii sbornik. Nauchnye issledovaniia i muzeinye proekty MAE RAN v 2010 g.* St. Petersburg: MAE RAN, 2011, pp. 90–95. (In Russian)

Ratner-Shternberg S. A. Lev Yakovlevich Shternberg i Muzei Antropologii i Etnografii Akademii Nauk [Lev Yakovlevich Sternberg and the Museum of Anthropology and Ethnography of the Academy of Sciences]. *Sbornik MAE*, 1928, Vol. VII, pp. 35–67. (In Russian)

Reshetov A. M. Vasilii Vasil'evich Radlov. *Kur'er Petrovskoi Kunstkamery*, 1995, issue 1, pp. 75–85. (In Russian)

Shternberg L. Ya. Muzei antropologii i etnografii Imperatorskoi Akademii nauk v period 12-letnego upravleniia V. V. Radlova. 1894–1906 [Museum of Anthropology and Ethnography of the Imperial Academy of Sciences during the 12-Year Leadership of V.V. Radlov. 1894–1906]. *Ko dniu semidesiatiletii Vasil'ia Vasil'evicha Radlova*. St. Petersburg: tipografiia Imperatorskoi Akademii nauk, 1907, pp. 29–104. (In Russian)

Shternberg L. Ya. Russkie etnograficheskie muzei [Russian Ethnographic Museums]. *Zhivaia starina*, 1911, issue III–IV, pp. 453–472. (In Russian)

Shternberg L. Ya. Dvukhvekovoi iubilei russkoi etnografii i etnograficheskikh muzeev [The Two-Century Anniversary of Russian Ethnography and Ethnographic Museums]. *Priroda*, 1925, no. 7–9, pp. 45–66. (In Russian).

Slezkine Yu. Sovetskaia etnografiia v nokdaune: 1928–1938 [Soviet Ethnography Knocked Down: 1928–1938]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 1993, no. 2, pp. 113–125. (In Russian)

Staniukovich T. V. *Muzei antropologii i etnografii im. Petra Velikogo. 1714–1964* [Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography. 1714–1964]. Leningrad: Nauka, 1964. (In Russian)

Submitted: 08.04.2021

Accepted: 22.04.2021

Published: 01.07.2021